

УДК 343.122

DOI 10.17223/23088451/11/9

Д.А. Жестовская, А.Г. Тузов

ОТ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА К ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСА ПОТЕРПЕВШЕГО

Рассматриваются вопросы возможности перехода от защиты публичного интереса к защите частного интереса потерпевшего в сложившейся публичной модели российского уголовного процесса. Исследуя связь модели уголовного процесса, интересов жертвы, процессуальной фигуры потерпевшего в процессе, авторы приходят к выводу о возможности и научной обоснованности широкого применения инструментов восстановительного правосудия в уголовном процессе с целью повышения эффективности защиты интересов потерпевших.

Ключевые слова: *уголовный процесс, потерпевший, восстановительное правосудие, публичный интерес, частный интерес.*

С точки зрения действующего УПК РФ мы можем сделать вывод, что уголовно-процессуальное право признает интерес потерпевшего в реализации желания возместить вред, причиненный ему в результате преступления. Такая интерпретация невольно возникает при анализе ст.ст. 6 и 42 УПК РФ. Но если фигура потерпевшего в системе уголовно-процессуальных отношений является отражением жертвы преступления, то при определении интереса потерпевшего необходимо учитывать разработки криминологов об интересе жертвы преступления, которые утверждают, что лицо, пострадавшее от преступления, испытывает в связи с данным обстоятельством определенный психологический дискомфорт. Вследствие совершения преступления жертва вступает с преступником в межличностный конфликт. Человек часто может не понимать, почему именно он стал жертвой преступления, почему именно он пострадал от чьего-то произвольного вмешательства в его частную жизнь.

Таким образом, жертва преступления имеет и иной интерес, не связанный просто с возмещением вреда и карательным возмездием, а комплексный, психологический [1, с. 10–17]. Но если правовое опосредование возмещения вреда находит свое бесспорное место в гражданско-правовых институтах, интегрированных в уголовное судопроизводство через институт гражданского иска, то выбор правовых форм удовлетворения психологического интереса жертвы преступления, интереса разрешения межличностного конфликта с преступником уже не является таким очевидным.

Историческое развитие уголовного процесса характеризуется его огосударствлением [2, с. 12–13; 3, с. 14–15]. Отношения по определению последствий преступления по модели «преступник – жертва» уступили место модели «преступник – государство». Жертва из главного героя посткриминальных отношений превратилась во второстепенного персонажа, роль которого сводится лишь к содействию установления полной картины преступления. Известный криминолог Н. Кристи констатирует, что современная уголовно-процессуальная модель лишила жертву собственности на свой конфликт: «...в современном уголовном суде произошли две важные вещи. Первая – стороны имеют своих представителей в суде. Второе – одна сторона, которую представляет государство, а именно жертва, так хорошо представлена, что она или он в большей

части процесса совершенно вытеснена с арены действий и ее роль во всем этом деле сведена до роли спускового крючка... Жертва проиграла свой процесс государству» [4, с. 4].

Публичная модель уголовного процесса характеризуется монополией государства на осуществление уголовного преследования: его инициирование, расследование преступления, поддержание обвинения в суде [5, с. 63–67; 6, с. 6]. Как отмечает классик российского уголовного процесса М.К. Свиридов, главной движущей силой публичной модели уголовного процесса являются «действия должностных лиц, не имеющих своих личных интересов и действующих от имени государства и в его интересах» [7, с. 103]. То есть публичная модель не может быть в полной мере направлена на эффективную защиту не связанных с поддержанием правопорядка интересов, например на разрешение психологического конфликта между жертвой и преступником. Формированию публичной модели уголовного процесса, по мнению Х. Зера, способствовало усложнение структуры общества и его обезличивание, рост численности населения, урбанизация, индустриализация; потребность государства в контроле над беспорядками; потребность общества в ограничении кровной мести; потребность государства в полной монополии на власть [1, с. 60].

Анализ данных причин показывает, что идеологической основой процесса огосударствления уголовного правосудия является защита публичного интереса. Этот интерес состоит в обеспечении общественной безопасности посредством государственного контроля над последствиями любого преступления и в защите жертв преступления, которые не могут защитить себя самостоятельно. Основным же инструментом такого контроля является институционализация государством механизма привлечения преступника к уголовной ответственности [5, с. 59–60].

Несмотря на то, что огосударствление уголовного процесса в современных государствах имеет общие исторические предпосылки, каждое государство имеет особенности в понимании роли государства в уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим анализ места жертвы в правоотношениях, связанных с преступлением, необходимо осуществлять с опорой на национальное законодательство: как уголовное, так и уголовно-процессуальное.

Уголовное право, определяя преступление как общественно-опасное деяние, запрещенное законом, посягательство на общественный порядок (ст. 14 УК РФ), указывает на приоритеты в восприятии государством системы социальных отношений, порождаемых таким деянием. Лицо, совершившее преступление, не просто нарушает личную свободу конкретного лица, причиняет ему вред, а посягает на публичный порядок, на закон, на интересы всего общества. Само публично-правовое понимание преступления предопределило «опубличивание» и категории жертвы, в качестве которой теперь воспринимается не конкретный индивид, а все общество, представляемое государством. Х. Зер отмечает, что «в ходе огосударствления правосудия понятие жертвы преступления было переопределено, реальная жертва была замещена жертвой юридической – государством. Жертва стала абстракцией...» [1, с. 58]. Система правоотношений «преступник–государство» становится базисной уже на момент совершения преступления, обеспечивая плавный переход этой системы в плоскость уголовно-процессуальных отношений. В этих условиях очевидно, что в уголовном процессе государство не является представителем жертвы, оно представляет свой собственный интерес – публичный, а конкретное же лицо, пострадавшее вследствие совершения преступления, находится далеко на периферии интересов уголовного права – наверное, единственной правовой отрасли, которую реальный участник межличностных отношений интересуется не как субъект права, а как объект посягательства, как элемент правовой конструкции состава преступления.

Несмотря на то, что уголовный процесс признается средством реализации норм уголовного права [8, с. 54], полного игнорирования роли жертвы в процессуальных отношениях не происходит. Процессуальная проекция уголовно-правовых отношений в России трансформирует модель «преступник – государство», в которой потерпевшему не было места, в модель «сторона защиты – сторона обвинения» с полноправным отношением к последней не только представителей власти, но и потерпевшего.

Рассмотрение потерпевшего как полноценного участника уголовно-процессуального противоборства со стороны обвинения говорит о том, что процессуальная модель отношений опосредует не только уголовно-правовой конфликт, субъектами которого являются преступник и государство, но и межличностный конфликт между жертвой и преступником [9, с. 103–104]. Изменение правового статуса жертвы при переходе из уголовно-правовых отношений в уголовно-процессуальные, наделение потерпевшего процессуальными правами и обязанностями позволяет предположить, что государство признает за потерпевшим юридически значимый интерес в результатах уголовно-процессуальной деятельности [10, с. 178]. Но способна ли существующая уголовно-процессуальная модель реально удовлетворить интерес потерпевшего? Как соотносится частный интерес потерпевшего с публичным интересом привлечения преступника к уголовной ответственности в контексте обеспечения общественной безопасности?

Конституционный Суд РФ высказывает следующую позицию, посвященную правовому статусу потерпевшего в уголовном процессе: «жертвам преступления должна... обеспечиваться возможность собственными действиями добиваться в рамках производства по уголовному делу восстановления своих прав и законных интересов, которые не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного вреда, – эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, от решения которых, в свою очередь, во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда» [11]. Как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения потерпевший наделен арсеналом процессуальных инструментов реализации своей обвинительной функции. Одним из наиболее серьезных средств является право потерпевшего обжаловать приговор в сторону ухудшения положения осужденного (оправданного), предусмотренное ст. 389.24 УПК РФ. Также у потерпевшего есть право ходатайствовать о возвращении дела прокурору для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления, предусмотренное п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в контексте Постановления Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П.

Но можно предположить, что в основе наделения потерпевшего таким правовым статусом лежит представление о потерпевшем как о лице, руководствующимся жадной возмездия за совершенное преступником деяние.

Постановка потерпевшего в модели «сторона защиты – сторона обвинения» в один ряд с представителями публичной власти на сторону обвинения неизбежно приводит к восприятию того, что интерес потерпевшего как бы инкорпорирован в публичный интерес привлечения лица к уголовной ответственности. Согласно предусмотренному УПК РФ функциональному разделению участников уголовного судопроизводства, потерпевший и представители государства несут единую процессуальную функцию – функцию обвинения, задача которой, в призме состязательного противоборства со стороной защиты, состоит в доказывании виновности лица в преступлении. Потерпевший оказывается заложником той процессуальной функции, которую ему присвоил законодатель. Процессуальное положение потерпевшего позволяет ему иметь только юридически значимый интерес – привлечь преступника к уголовной ответственности, возместить материальный вред, причиненный преступлением. Весь арсенал прав, который дан потерпевшему, направлен на удовлетворение именно этого, узко понимаемого законодателем навязанного карательного интереса [12, с. 75].

Но только ли карательный интерес может иметь потерпевший в уголовном процессе? Верно ли представление законодателя о том, что частный интерес потерпевшего состоит в назначении наиболее сурового наказания для обвиняемого?

В многочисленных исследованиях, основанных на опросах потерпевших, отмечается, что интерес потерпевшего далеко не всегда состоит в назначении обви-

няемому максимально возможного наказания. Потерпевшие часто не заинтересованы в привлечении обвиняемого к уголовной ответственности. Материальную компенсацию вреда и примирение с обвиняемым сами потерпевшие часто считают достаточными для удовлетворения своих потребностей. А в случае доведения вопроса до размера наказания потерпевшие, которые за время длительного предварительного расследования уже восстановили свой быт и практически забыли о произошедшем, выступают за то, чтобы обвиняемому назначили не слишком строгое наказание [12, с. 45–57].

Однако встраивание частного интереса в публичную модель процесса может работать исключительно по принципу «все или ничего». Совпадение частного и публичного интереса в цели привлечения преступника к ответственности дает возможность потерпевшему эффективно реализовывать весь набор процессуальных прав, направленных на осуществление его обвинительной функции. Но как только частный интерес войдет в противоречие с публичным, никаких инструментов реализации такого частного интереса потерпевший не получает, в приоритете остается публичный интерес. Нежелание потерпевшего участвовать в уголовном преследовании в связи с прощением обвиняемого или иными обстоятельствами будет совершенно безынтересно публичной модели уголовного процесса. Уголовно-процессуальная деятельность будет продолжена и без участия потерпевшего в связи с обязанностью уполномоченных лиц осуществлять уголовное преследование.

Защита прав потерпевшего, объявленная в ст. 6 УПК РФ, возможна только в той мере, в которой частный интерес потерпевшего встраивается в публичный интерес привлечения преступника к уголовной ответственности. Парадоксально, но акцент уголовно-процессуальной политики на защиту прав потерпевших приводит к укоренению карательно-ориентированного понимания интереса потерпевшего, «консервации карательной модели правосудия» [13, с. 161]. Показателем неестественности этой ситуации является специфичность выбранного законодателем способа стимулирования потерпевшего к более активному участию в уголовно-процессуальной деятельности. Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» введена уголовная ответственность потерпевших за уклонение от прохождения освидетельствования и от участия в иных следственных действиях. Из данной новеллы следует, что потерпевший должен реализовывать свой «процессуальный интерес» по содействию поиску доказательств виновности лица под угрозой уголовной ответственности.

Несмотря на указанную в названии закона цель совершенствования защиты прав потерпевших, конкретные его нормы только укрепляют представление о потерпевшем как об объекте уголовно-процессуальной деятельности, как источнике получения информации о преступлении [14, с. 18]. В подкрепляемой данным законом карательной модели российского уголовного правосудия наделение потерпевшего правами осу-

ществляется лишь постольку, поскольку возможная реализация этих прав будет сочетаться с публичной целью привлечения виновного к уголовной ответственности [13, с. 160].

Попытка встроить частный интерес в публичный ведет скорее к тому, что последствием совпадения этих интересов является привнесение в процесс личной некачественной пристрастности карательного характера. Последствием же их расхождения становится игнорирование частного интереса, который может пойти вразрез с публичным интересом. Оба этих результата не несут положительного эффекта ни в межличностной, ни в правовой сфере. Избежать указанных крайностей может позволить либо отказ от правового опосредования межличностного конфликта и формирование сугубо публичной профессиональной и индивидуально беспристрастной модели уголовного правосудия без выделенной фигуры потерпевшего, либо разработка институтов, позволяющих одинаково эффективно обеспечивать защиту и публичного интереса и частного. Таким институтом может служить модель восстановительного правосудия.

Восстановительное правосудие предлагает иной взгляд на место психологического конфликта в уголовно-процессуальной деятельности. Модель восстановительного правосудия исходит из того, что право должно содействовать разрешению межличностного конфликта между жертвой и преступником, а не психологическому облегчению пострадавшей стороны путем предоставления ей средств карательного воздействия на своего обидчика, предлагая потерпевшему и обвиняемому сесть за стол переговоров, задать друг другу интересующие вопросы, понять, что стало причиной конфликта и к каким последствиям это привело [15, с. 78–79]. Такая процедура применяется во многих правовых системах, в том числе в Германии, иных европейских странах, а также в США [16, с. 455–462; 12, с. 82]. Механизм обращения к данным процедурам и порядок их применения четко регламентирован, любое взаимодействие потерпевшего и обвиняемого происходит при содействии и под контролем компетентных лиц [16, с. 457, 461]. Функция данной процедуры состоит именно в разрешении психологического конфликта. Обвиняемому общение с жертвой преступления дает возможность понять последствия своего поступка, извиниться перед потерпевшим, что снимает психологический груз у обеих сторон межличностного конфликта [15, с. 80]. Выявление причин совершения преступления позволяет и самому потерпевшему понять свою роль в формировании преступного поведения обвиняемого. В результате такой процедуры стороны могут прийти к взаимопониманию и примирению. Разрешение межличностного конфликта снимает необходимость применения карательных мер к правонарушителю, вследствие чего обвиняемый по решению суда может быть освобожден от ответственности.

Психологический стресс потерпевшего в модели восстановительного правосудия воспринимается как проблема, которую необходимо решить, а не как данность, под которую нужно подстраивать правовые механизмы. В отличие от интуитивного восприятия со-

стояния озлобленности потерпевшего и наделения этого состояния процессуальным инструментарием, восстановительное правосудие пытается установить причину этого психологического состояния, используя для этого психологический инструментарий. Смена парадигмы способов решения психологического конфликта – отличительная черта психолого-ориентированной модели восстановительного правосудия. Подключение к праву функционала психологической науки позволяет бороться с проблемой комплексно, искоренять источник межличностного конфликта между жертвой и преступником, а не оставлять уголовно-процессуальную систему наедине с его последствиями.

Тот факт, что кульминацию межличностного конфликта составило деяние, образующее состав преступления, не означает, что уголовно-процессуальное опосредование конфликта может заменить собой необходимость психологической работы с его участниками. Психологический конфликт должен решаться инструментарием той науки, которая на таких конфликтах специализируется. Личный контакт потерпевшего и обвиняемого, откровенный разговор между ними при содействии компетентных психологов дает людям больше возможностей понять и услышать друг друга, чем допросы, прения и иные формы безжизненной, сугубо процедурной процессуальной коммуникации. Модель восстановительного правосудия, в которой психологическая работа с обвиняемым и потерпевшим осуществляется в рамках процессуальной деятельности, показывает, что право и психология могут работать согласованно и, что более важно, эффективно с точки зрения удовлетворения интересов участников уголовно-правового конфликта.

Однако несмотря на отмеченные достоинства модели восстановительного правосудия, она неизбежно осложняет уголовный процесс задачей разрешения межличностного конфликта. Модель восстановительного правосудия размывает публично-правовую природу уголовного правоотношения [12, с. 82–83]. Совершив уголовно-наказуемое деяние, правонарушитель вступает в правоотношение именно с государством, которое, осуществляя деятельность по привлечению лица к ответственности, обеспечивает защиту публичного интереса. Исторически закономерное становление публичной модели уголовного процесса стало свидетельством понимания того, что лицо, совершающее деяние, запрещенное уголовным законом, посягает не просто на личный интерес потерпевшего, но на общественный порядок, на интерес всего общества. Публичная модель уголовного процесса также гарантирует, что именно государство даст объективную, беспристрастную правовую оценку совершенному деянию и назначит виновному справедливое наказание. Концептуальную основу публичного уголовного процесса, по мнению М.К. Свиридова, составляет то, что весь ход и судьба процесса должны находиться в руках органов власти [8, с. 53].

Однако восстановительное правосудие все же имеет основания для признания его моделью, которая способна обеспечить защиту не только частного интереса, но и публичного. Как было отмечено выше, публичный

интерес, защищаемый государством, состоит в обеспечении общественной безопасности посредством государственного контроля за последствиями преступления через механизм привлечения к уголовной ответственности. Модель восстановительного правосудия позволяет обеспечивать защиту указанного публичного интереса. Отличительной особенностью правового опосредования межличностного конфликта в рамках восстановительной модели является то, что вся психологическая работа с обвиняемым и потерпевшим происходит под контролем государства в рамках уголовно-процессуальной деятельности [17, с. 35]. Любые последствия уголовно-правового характера наступают только после обоснованного заключения уполномоченного лица о результатах примирительных мероприятий. Государство продолжает институционализацию последствий преступлений, но теперь таким институтом будет не только уголовная ответственность, но и организованные государством примирительные процедуры.

Более того, достижение цели исправления преступника как элемента публичного интереса в рамках модели восстановительного правосудия достигается даже более эффективно, чем в рамках стандартной публичной модели уголовного процесса [18, с. 103–105]. Психологический контакт с жертвой и работа с квалифицированными специалистами в области межличностных отношений позволяют преступнику лучше осознать последствия своего деяния, оценить психологический и материальный вред, который он причинил жертве. Достижение цели исправления преступника здесь происходит без подключения уголовно-исполнительной системы, функционирующей за счет государства [19, с. 200]. Это позволяет говорить об эффективности модели восстановительного правосудия, которое в ряде случаев обеспечивает наилучший результат и ресоциализации преступника с наименьшими затратами.

Совместить публичную модель уголовного процесса и модель восстановительного правосудия можно путем четкой дифференциации последствий примирения потерпевшего и обвиняемого в зависимости от тяжести и общественной опасности совершенного деяния [19, с. 202]. Если деяние не обладает большой общественной опасностью, то примирение потерпевшего и обвиняемого может являться основанием для освобождения лица от уголовной ответственности. Для реализации данного механизма в российском уголовном процессе необходимо развитие и реформирование института дел частного и частно-публичного обвинения, развития института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) [17, с. 37], его институализации и профессионализации с тем, чтобы восстановительные процедуры имели реальные психологические последствия: у преступника – действительное понимание своего деяния, реальное чувство вины и необходимости своего исправления, у жертвы – снятие психологического напряжения и переживания. В более тяжких деяниях примирение обвиняемого и потерпевшего может учитываться при определении размера и вида наказания, но не приводить к освобождению лица

от уголовной ответственности. В российском уголовном праве и процессе данная идея может реализовываться через расширение правовой регламентации учета смягчающих наказание обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ.; общ. ред. Л.М. Карнозовой; ком. Л.М. Карнозовой, С.А. Пашина. М., 2002. С. 10–17.
2. Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849. С. 12–13.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. СПб.: Типография и-ва «Общественная Польза», 1902. Т. I. С. 14–15.
4. Кристи Н. Конфликты как собственность / пер. с англ. Н. Воробьева; ред. Фляммер. М., 1999. С. 4.
5. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 63–67.
6. Андреева О.И., Лось С.Л., Рукавишникова А.А. и др. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 6–9.
7. Свиридов М.К. Задача установления истины и средства её достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–106.
8. Свиридов М.К. Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 52–56.
9. Кириллова Н.П. Уголовно-процессуальный конфликт и реализация уголовно-процессуальных функций в суде // Правоведение. 2007. № 5. С. 103–104.
10. Сидорова Н.А. Некоторые аспекты защиты прав потерпевших в российском уголовном процессе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н.С. Алексеева. СПб., 2015. 178 с.
11. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда / Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 05.03.2018).
12. Танцурев М.В., Стойко Н.Г. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации. Красноярск: Поликом, 2003. 100 с.
13. Зайцева Е.А. Публичный и частный интересы участников со стороны обвинения: обеспечение разумного баланса? // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н.С. Алексеева. СПб.: ООО «ЦСПТ», 2015. С. 188–195.
14. Якимович Ю.К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 17–20.
15. Чуприков Р.А. Необходимость развития стратегии восстановительного правосудия в российском уголовном процессе // Петербургский юрист. 2016. № 2. С. 78–79.
16. Матвеева Я.М. Восстановительное правосудие по законодательству некоторых зарубежных стран и России // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 455–462.
17. Карнозова Л.М. Восстановительное правосудие в российской правовой системе. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. № 12. С. 12–22.
18. Смирнова И.Г. Выбор как достаточное основание обеспечения социальной ценности уголовного судопроизводства // Бизнес в законе. 2011. № 2. С. 103–105.
19. Карнозова Л.М. Восстановительное правосудие // Судебная реформа. 2001. 200 с.

FROM PROTECTING PUBLIC INTEREST TO PROTECTING THE VICTIM'S INTEREST

Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 46–51. DOI 10.17223/23088451/11/9

Dariya A. Zhestovskaya, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dzhestovskaya@mail.ru

Andrey G. Tuzov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.tuzov@spbu.ru

Keywords: criminal procedure, victim, restorative justice, public interest, private interest.

The historical development of the criminal procedure is characterised by its nationalisation. Relations to determine the consequences of the crime by the model “criminal – victim” gave way to the model “criminal – state”. The victim of a crime with their psychological problems and internal conflict is perceived in the criminal procedure mechanically; their role is reduced to the assistance in establishing the full picture of the crime. When setting up a public model of the criminal procedure, a state monopoly on criminal prosecution is established, which in the criminal procedure legislation leads to a “narrow” understanding of the interest of the victim and its reduction to a punitive model (the victim facilitates the conviction and punishment of the offender), to the settlement of civil claims (compensation of damage). This is facilitated by the formation of public interest in a broad sense, as compensation for harm caused by the crime to society, the state, law and order, but not to a specific person who also has their own internal conflicts and feelings about the crime. The Russian criminal procedure law exacerbates this narrow understanding by placing the victim on the prosecution side.

Studies show that victims are often not interested in bringing the accused to criminal liability. Victims themselves often consider financial compensation for harm and reconciliation with the accused sufficient to satisfy their needs. This proves that there is an interest in resolving a psychological conflict. The model of restorative justice provides for this opportunity as it proposes to first resolve the psychological conflict by forming in the perpetrator an understanding of the consequences of the committed crime and experiences of the victim, a sense of guilt for what was done, thus removing the psychological strain of the victim.

The authors come to a conclusion that it is possible to incorporate elements of restorative justice into the public model of the criminal procedure, since their values are similar as a whole. In particular, the authors propose to expand the application of reconciliation, to

ensure its institutionalisation and professionalisation, as well as to assess the results of reconciliation for a number of crimes as grounds for stopping criminal prosecution, or as circumstances that actually affect the degree of punishment.

References

1. Zehr, H. (2002) *Vosstanovitel'noe pravosudie: novyy vzglyad na prestuplenie i nakazanie* [Restorative justice: a new view on crime and punishment]. Translated from English. Moscow: Tsentr Sudebno-pravovaya reforma. pp. 10–17.
2. Linovskiy, V. (1849) *Opyt istoricheskikh rozyskaniy o sledstvennom ugovnom sudoproizvodstve v Rossii* [Experience of historical research about investigative criminal proceedings in Russia]. Odessa: Tip. L. Nitche. pp. 12–13.
3. Foyntskiy, I.Ya. (1902) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [A course of criminal proceedings]. Vol. I. 4th ed. St. Petersburg: Tipografiya i-va "Obshchestvennaya Pol'za". pp. 14–15.
4. Christie, N. (1999) *Konflikty kak sobstvennost'* [Conflicts as property]. Translated from English by N. Vorob'eva Moscow: Penal Reform International.
5. Barabash, A.S. (2005) *Priroda rossiyskogo ugovnogo protsesssa, tseli ugovno-protsessual'noy deyatel'nosti i ikh ustanovlenie* [The nature of the Russian criminal procedure, the purposes of criminal procedural activity and their establishment]. St. Petersburg: Izdatel'stvo R.Aslanova "Yuridicheskiy tsentr Press". pp. 63–67.
6. Andreeva, O.I., Lon', S.L. Rukavishnikova, A.A. & Trubnikova, T.V. (2017) Vector of the direction of further development of criminal legal proceedings. *Ugovnoe pravo*. 4. pp. 6–9. (In Russian).
7. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (8). pp. 101–106. (In Russian).
8. Sviridov, M.K. (2012) Tendencies of development of Russian criminal procedure legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 358. pp. 52–56. (In Russian).
9. Kirillova, N.P. (2007) Ugolovno-protsessual'nyy konflikt i realizatsiya ugovno-protsessual'nykh funktsiy v sude [Criminal procedural conflict and the implementation of criminal procedural functions in the court]. *Pravovedenie*. 5. pp. 103–104.
10. Sidorova, N.A. (2015) [Some aspects of the protection of the rights of victims in the Russian criminal procedure]. *Obvinenie i zashchita po ugovnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Prosecution and defence in criminal cases: historical experience and modernity]. Proceedings of the international conference dedicated to the centenary of the birth of Prof. N.S. Alekseev. St. Petersburg: TsSPT. (In Russian).
11. Konsul'tant Plyus. (2013) *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chasti pervoy stat'i 237 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina Respubliki Uzbekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.07.2013 N 16-P* [On the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Part one of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan, B.T. Gadaev, and the request of the Kurgan regional court. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 02.07.2013]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
12. Tantserev, M.V. & Stoyko, N.G. (2003) *Poterpevshiy i ego funktsiya v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The victim and their function in the criminal procedure of the Russian Federation]. Krasnoyarsk: izdatel'stvo "Polikom".
13. Zaytseva, E.A. (2015) Publichnyy i chastnyy interesy uchastnikov so storony obvineniya: obespechenie razumnogo balansa? [Public and private interests of the participants on the part of the prosecution: ensuring a reasonable balance?]. *Obvinenie i zashchita po ugovnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Prosecution and defence in criminal cases: historical experience and modernity]. Proceedings of the international conference dedicated to the centenary of the birth of Prof. N.S. Alekseev. St. Petersburg: TsSPT. pp.188–195. (In Russian).
14. Yakimovich, Yu.K. (2014) Uchastie poterpevshego v ugovnom presledovanii [Participation of the victim in criminal prosecution]. *Ugovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 4. pp. 17–20.
15. Chuprikov, R.A. (2016) Applying the strategy of restorative justice in the Russian criminal procedure. *Peterburgskiy yurist*. 2. pp. 78–79.
16. Matveeva, Ya.M. (2013) Vosstanovitel'noe pravosudie po zakonodatel'stvu nekotorykh zarubezhnykh stran i Rossii [Restorative justice in the legislation of some foreign countries and Russia]. *Rossiyskiy ezhegodnik ugovnogo prava*. 7. pp. 455–462.
17. Karnozova, L.M. (2012) Vosstanovitel'noe pravosudie v rossiyskoy pravovoy sisteme [Restorative justice in the Russian legal system]. *Advokat*. 12. pp. 34–46.
18. Smirnova, I.G. (2011) Vybor kak dostatochnoe osnovanie obespecheniya sotsial'noy tsennosti ugovnogo sudoproizvodstva [Choice as a sufficient basis for ensuring the social value of criminal proceedings]. *Biznes v zakone*. 2. pp. 103–105.
19. Karnozova, L.M. (2001) *Vosstanovitel'noe pravosudie. Sudebnaya reforma* [Restorative justice. A judicial reform]. Moscow: MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma".